

НАЧАЛОСЬ все с того, что мы поссорились. Как нам тогда казалось, по всему принципу принципиальному вопросу — банально или небанально задать вопрос о творческих планах, короче, над чем сейчас работает сценарист и режиссер Алексей Габрилович. Вопрос решили все-таки задать. Хотя мы честно рассказали о недавнем споре.

— Я тоже не люблю отвечать на этот вопрос. В нем, как ни парадоксально, на первый взгляд, есть элемент недоверия: мол, если не скажет, значит, ничего и не собирается делать. Но в данном случае я как раз с удовольствием скажу, а потом вы поймете, почему я это сделал.

Я написал сценарий полнометражного документального фильма «Дворы нашего детства». Он продолжает трилогию, в которую вошли «Футбол...», «Цирк...» и «Кино нашего детства».

Двор моего детства — помню его до мельчайших подробностей. С одной стороны — серый пятиэтажный дом, с другой — одноэтажное здание фабрики, с примыкавшими к ней сараями, гаражами, помойкой; с двух других сторон — обломки кирпичной стены, отделявшей наш двор от соседских.

Сейчас редкая семья живет в подвале или полуподвале. В те послевоенные годы все подвалы были заселены. Окна подвальных коммуналок упирались прямо в землю и были главной помехой нашим футбольным схваткам. Мячи, залетающие в окна, вдребезги разносили их. Если вовремя нам не удавалось скрыться вместе с мячом, пострадавшая хозяйка в гневе разрезала его кухонным ножом на куски.

Мы сами подвергались расправе реже, так как за звоном разбитого стекла следовал вопль: «Атаст!», и дворовая ватага мигом исчезала. Прятались за помойкой, за сараями, за бочками с варом. Варом называлась черная тягучая масса, которой промазывали щели в крышах домов и сараев.

После гибели мяча футбольные страсти на время стихали. Купить новый мяч было трудно. Они нечасто бывали в продаже, стоили дорого, а зарабатывали наши родители не густо.

Но были и другие дворовые развлечения. Не знаю откуда взялись в нашем детстве игры вроде: «расшибаловка», «пристеночек», «казенка»... Все это игры на деньги. Впрочем, «на деньги» — громко сказано, на денежную мелочь. Ни десять, ни двадцать копеек считать деньгами нельзя, если буханка хлеба стоит триста рублей.

Дольше других сохранялся во дворах «штандер». Мне запомнилось наказание, которому в нашем дворе подвергался проигравший. Его ставили лицом к стенке и «расстреливали», изво всех сил швыряя в спину упругим теннисным мячом. Было больно, поэтому и запомнилось надолго.

Война окончилась, но во дворах сражения не стихали, играли в войну со знанием дела. Мы были не только напичканы рассказами о войне, многие мои сверстники на своей шкуре испытали ее.

Каждый пацан владел горой военного имущества, трофейного и нашего: пилотки, каски, планшеты, ремни, фонарики, кортики, ножи, медали, ордена. Иногда попадались гранаты, мины, небольшие снаряды. Конечно, было любопытно не только потрогать или поглядеть на настоящую гранату, важно было узнать, что там внутри. Начинили осторожно ковырять гвоздиком, потом, осмелев, лупили молотком... Сколько маленького народа взорвалось на таких «игрушках», сколько погибло и осталось калеками... Быть может, об этом расскажет в фильме один из пострадавших.

В те годы покаленных было очень много. Люди без руки, безногие на платформочках с колесиками, на подшипниках часто встречались на улицах. Помню инва-

лидов, побивавшихся в пригородных поездах и электричках. «Отрабатывая» подаяние, они пели песни, кто под гармошку, а кто «всухую», без всякого аккомпанемента. Репертуар был самый разнообразный, от эпической: «В имении Ясной Поляне жил Лев Николаевич Толстой...» до наиболее ходовой тогда: «Раскинулось море широко...» Песне предшествовал пролог, начинавшийся словами: «Дорогие братья и сестры, не мечтал я в детстве пойти по вагонам...» Пассажиры, сама весьма небогатый, щедро делился с инвалидами трудовыми копеечками. Рассказывали, да и в печати писали, что некоторые поездные певцы на собранное «Христа ради» строили дачи, покупали машины. Может, и было такое, но в основном, думаю, «подаяние» сразу же пропивалось в станционных буфетах и соседствующих с вокзалом пивных.

Мне кажется, что почти все жили в те годы примерно одинаково. Имущественного неравенства, бросавшегося в глаза, в нашем дворе я что-то не припомню. Одевались скромно, питались скудно, карточки отменили только в сорок седьмом году. Отдельные комнаты, тем более квартиры, были великой редкостью. Пять-шесть семей на площади в несколько десятков метров — обычное дело по тем временам.

Впрочем, что я так подробно рассказываю, ведь об этом и будет фильм.

— Так ведь это интересно! В вашем фильме «Кино нашего детства» был потрясающий рассказ Лидии Николаевны Федосеевой-Шукшиной о жизни коммуналок, о днях рождения, которые так трогательны и памяты сейчас.

— В «Кино», увы, весь ее рассказ не вошел. И мне, конечно, хотелось, чтобы о нем узнали. О тех праздниках, танцах.

Собирались соседи в чьей-нибудь самой большой комнате. На столе винегрет, вареная картошка, пара консервных банок — вот и всё. Но зато, как пели, как плясали под пластинки, которые вертел красный трофейный патефон. Этот рассказ не вошел в предыдущую картину и может быть использован в новой работе.

А танцы теплыми летними вечерами, когда патефон выносили на улицу. Какой-нибудь умелец прилаживал к патефону усилитель, его называли «адаптером», и музыка уже не хрипела в мембране, а гремела на всю округу. Владельцем патефона и «адаптера» в нашем дворе был тринадцатилетний Женя Нечаев. От него зависело, состоятся танцы или нет. Буду-

чи человеком щедрым, Женя каждый вечер выносил во двор свою «механику». И начинался праздник! Врач Евгений Борисович Нечаев смешно рассказывает, как танцевали в те годы, какие драмы ревности и любви вспыхивали на дворовых танцплощадках.

Что за мелодии и чьи голоса будоражили тишину тех летних московских вечеров? Помню пластинку — на одной стороне фокстрот «Рио-рита», на другой — танго «Цветущий май». А кумиры? Шульженко, Утесов, Бернес, совсем молодая Нина Дорда с песенкой «Мой Вася»... Крутились и пользовались успехом пластинки внезапно исчезнувшего с эстрадных площадок Вадима Козина...

Но давайте отбросим розовые покрывала и вспомним те годы в их подлинной реальности.

НЕ ТОЛЬКО О КИНО

Рассказывает сценарист и режиссер Алексей Евгеньевич ГАБРИЛОВИЧ

Принято говорить, что в те годы смеялись чаще и громче. Возможно. Но будем честными и вспомним, сколько тогда проливалось слез.

Плакали матери и вдовы погибших, жены безнадежно больных инвалидов, плакали люди, чьи близкие исчезали, порой бесследно, после внезапных ночных визитов.

Все это живо в памяти нашего поколения, и мне хочется, чтобы правду о том времени знал и мой подрастающий сын.

В нашем дворе обитало немало прекрасных ребят. Из них выросли инженеры, ученые, журналисты. Вместе с нами бегал по двору и человек, не ставший никем. Сейчас он работает грузчиком в продовольственном магазине. Помню его дворовую кличку: «Цопа». Почему такая кличка приклеилась к нему, объяснить не берусь. «Цопа» являлся украшением двора, его гордостью. Был он, конечно, отъявленным шлангой, но это ничуть не унижало его в нашем сознании. Ходил в кепке-«малокозырьке», брюках, заправленных в «прохоры», на тогдашнем дворовом жаргоне — сафги. Сверкал «фиксами» — съемными латинскими коронками, одевавшимся для фойса поверх совершенно здоровых зубов. Помню жгучую зависть, которую я, мальчик из интеллигентной семьи, испытывал к «Цопе». Главарь всех дворовых игр, отважный и дерзкий в драке, «Цопа» обладал каким-то врожденным чувством справедливости, не давал в обиду слабых, был верен в дружбе. Рос «Цопа» без отца, пропавшего без вести в первые месяцы войны. Мать работала уборщицей. Питались так — хлеб да картошка. И «Цопа» стал «бегать», на тогдашнем латинском языке — воровать. Начал с мелких краж, в метро и трамваях, потом пошли дела крупнее. Связался с шайкой, в ту пору их развелось видимо-невидимо, и вскоре заремел в колонию для несовершеннолетних. Через пару лет «вышел на волю», но не надолго. Ограбил с друзьями квартиру какой-то артистки и сел на этот раз серьезно. Освободился взрослым человеком. Поступил на работу, женился. Стал выпивать. Бросил работу, расстался с женой. Теперь «Цопа» с раннего утра дежурит у

винного магазина. Постоянная выпивка требовала денег, пришлось снять с незнакомого гражданина пальто с каракулевым воротником. При попытке продать пальто на рыночной толкучке «Цопа» был арестован и снова угодил за решетку.

Иногда я встречаю его возле нашего магазина, где он перетаскивает тару. Пожилой человек с некрасивым одутловатым лицом, в неряшливой одежде.

Людей с похожей судьбой немало в нашем поколении, и забывать об их сломленных жизнях нельзя, хотя мы и привыкли воспитывать молодежь только на положительных примерах. Но, быть может, невеселый итог, к которому добрался «Цопа», заставит задуматься серьезнее, чем рассказ об иной благополучной, состоявшейся судьбе. Впрочем, я повторяю, большинство моих дворовых приятелей живет сегодня достойно и честно.

Правду о времени нашего детства следует говорить еще и потому, что прошло оно под знаком культа личности Сталина, было отмечено фразерством, идолопоклонничеством.

Будущий фильм не претендует на анализ эпохи, она осмыслена и трезво оценена. Но кое-что следует вспомнить, ведь многое из впитанного в те годы сидит в нас и сегодня.

Я благодарен дворовому братству — до сих пор свято ценю товарищество: признателен скудной жизни — не гоняюсь за модными тряпками, не стремлюсь напугать их на себя; я предан Отчеству и верю его идеалам. Но гнездится во мне и иное, также заложенное в те времена. Я часто произношу не то, что думаю. Без борьбы отстаю от принципов, казавшихся неизблемыми накануне. Не имея указаний, с трудом принимаю самостоятельные решения. Страхуюсь начальственных окриков. Охотно прыгаю равнодушием за громом лозунгов, а безделье за пустословием и показухой.

Мне могут возразить: «Это ты один таков, другие ведут себя иначе!» Но «я» — маленькая частица целого... Чтобы лучше понять себя в сегодняшнем дне, тем более в процессе перестройки, необходимо пристальнее вглядываться в прошлое, в нем корни наших общих достоинств и бед.

Фильм предполагается завершить эпизодом, связанным со смертью Сталина. Не только показом хроники похорон, но и рассказами очевидцев.

На этом рубеже окончилось детство моего поколения.

И вот теперь я хочу...

— Стоп! — заторопились мы. — Алексей Евгеньевич, постойте, попробуем сами сформулировать ваши пожелания. Давайте обратимся к нашим читателям. А что знаете вы о том времени и о тех дворах? Помните ли вы их сами или слышали от отцов, матерей, а то и дедушек с бабушками?

Напишите обо всем этом нам. Ваши свидетельства станут материалом для искусства и кусочком истории. Без вас, без ваших близких, народ, как сказал А. Платонов, неполный. Письма под грифом «Дворы нашего детства» будут переданы А. Е. Габриловичу...

— ...С благодарностью изучены...

— И помогут важному и доброму делу. Ждем!

В беседе участвовали
Л. ИГУМНОВА и А. АРОНОВ.

Фото С. ЖАБИНА.